

**ФОЛЬКЛОР В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»
(ОБРАЗ ПЕЧЕНЕГОВ)**

Фольклор как способ освоения мира давно стал объектом изучения крупных исследователей-фольклористов. Именно так подходили к памятникам устного народного творчества такие ученые как А.Н. Афанасьев, О.Ф. Миллер, Ф.И. Буслаев и др. Однако, сохраняя любой текст в устной форме, народная память легко изменяет его, постоянно актуализируя древнее сказание. «Историческая память сохранялась и поддерживалась лишь в той ее части, которая была актуальна для общества и имела ценность в настоящем».¹ Эпическое сказание не отражает, а моделирует прошлое. Сказители испытывают влияние эстетических и нравственных норм своего времени. Поэтому получить представления о характере и жанровой принадлежности ранних фольклорных памятников, присутствующих в них образах и т.д. можно только в ходе анализа текстов, сохранных древнейшими записями произведений устного народного творчества. Данная статья представляет собой попытку реконструировать образ печенегов в древнерусском фольклоре XI-XII вв. на основе тех фольклорных памятников, которые отразились в «Повести временных лет».

В современной фольклористике, как общепринятое, существует деление былин на четыре исторических периода, первый из которых берет свое начало еще задолго до IX в.² Однако эта теория, основанная, прежде всего, на априорных взглядах исследователей, наталкивается на достаточно серьезное возражение – наиболее ранние записи былин (XVII-XVIII вв.) значительно отличаются от записей, сделанных в П.Н. Рыбниковым, А.Ф. Гильфердингом и др. исследователями XIX-XX вв.³ Отголоски русских былин, встречающиеся в сказаниях европейских авторов XIII-XVI вв., также значительно отличаются от того, что нам известно в поздних записях.⁴ Известны и примеры импровизаций сказителей, под впечатлением увиденного вносящих изменения в текст былины.⁵ Поэтому древнейшие сказания при устной передаче не сохраняются, и найти следы этих сказаний можно только в литературных памятниках той эпохи, которая и интересует исследователя. Попытка поиска памятников фольклора в летописных текстах XV-XVI вв. дала интересный результат в статье Д.С. Лихачева,⁶ что позволяет надеяться на возможность отыскания фольклорных произведений и в летописях, относящихся к более раннему периоду.

Летопись вполне может выступить как хранитель ранних памятников фольклора поскольку древнерусский книжник не делал различий между источниками своей информации. Поэтому в «Повести временных лет» представлены как данные, вычитанные из письменного текста, так и сведения полученные из устных сказаний. Причем сам спектр жанров, к которым принадлежат памятники фольклора, представленные в древнерусских летописях, отличается необычайным многообразием: песни скальда, поговорки, топонимические легенды, былички или просто рассказы о случившемся.

Какими же предстают печенеги в русских летописях и в памятниках фольклора? Автор «Повести временных лет» 15 раз в различных ситуациях упоминает об этом народе, причем четыре раза эти упоминания носят явно фольклорный характер.

Характерно, что интонации летописных сообщений о печенегах достаточно ровные. Их упоминают в этнографическом обзоре среди кочевых народов («после сих же приидоша печенежи»)⁷ и под 1096 г. среди народов, вышедших «от пустыня Етревьская» или от рода Измаила, причем летописец подчеркивает, что их появление современники связывают с концом света.⁸ В основном же в летописи идет перечень событий русско-половецких отношений. Так в 915 г. «придоша печенежи первое на Руску землю, и сотворивше мирь со Игорем, и приидоша к Дунаю», где приняли участие в войне болгар и византийцев,⁹ в 920 г. князь «Игорь воеваше на печенги»,¹⁰ в 944 г. они совместно с другими племенами и народами уже участвовали в войне князя Игоря против Византии,¹¹ далее идет описание печенежского набега на Киев в 968 г. и засады, устроенной зимой 971-972 г. печенежским князем Курей против Святослава Игоревича.¹² Однако последующие события показывают, что у печенегов сложились достаточно добрые отношения с князем Ярополком и его сыном Святополком Окаянным. Так, само убийство Святослава у Днепровских порогов объективно было выгодно Ярополку, который в случае удачного возвращения своего отца, должен был бы уступить ему Киевский стол. Похоже, что брат Ярополка Олег Святославич обвинял в гибели своего отца как Ярополка, так и Свинельда, отправленного Святославом за помощью в Киев, но так и не приведшего киевскую дружину к порогам. Этим, возможно, и объясняется убийство сына Свинельда Олегом и последующая война между братьями.¹³ В 980 г. Варяжко предлагал Ярополку бежать в печенеги и привести оттуда воинов для борьбы с Владимиром,¹⁴ а в 1018-1019 г. к ним бежал и вернулся с вой-

ском против Ярослава Владимировича сын Ярополка – Святополк.¹⁵ В то же время князь Владимир и его потомки находились с печенегами во враждебных отношениях. Так в 992 г. печенеги появились на Трубеже, где потерпели поражение, нанесенное им киевским князем,¹⁶ в 996 г. уже русские войска были разбиты у Василева, а сам князь Владимир едва спасся,¹⁷ в 997 г. печенеги осаждали Белгород и чуть не взяли его,¹⁸ в 1015 г. Борис Владимирович возглавляет войско, идущее в поход против печенегов,¹⁹ а в 1036 г. печенеги были разбиты под Киевом и с тех пор оказались вынужденными скитаться по степям.²⁰ Последний раз в «Повести временных лет» печенеги упомянуты под 1097 г., когда князь Василько, делясь своими планами, рассказывал, что узнав о идущих к нему печенегах, планировал грабидиозные военные компании против Польши, на Дунае и в Половецкой степи.²¹

И хотя Никоновская и другие позднейшие летописи приводят дополнительные известия о печенегах, относимые к XI-XIII вв., сведения, помещенные в «Повести временных лет», являются исчерпывающим сводом знаний русских современников об этом народе. Новая же информация взята летописцами XV-XVI вв. не из письменных источников, а из былин. Эти сведения отражают лишь представления о печенегах, существовавшие в эпоху формирования Московского царства.²²

Упоминания же печенегов в описании событий, выходящих за хронологические рамки «Повести временных лет» и охватывающих 1121-1169 гг., носят отрывочный характер и свидетельствуют о постепенном исчезновении народа и угасании интереса к нему.²³

Из перечисленных известий «Повести временных лет» к фольклорным по происхождению можно отнести сказания о подвиге киевлянина, сумевшего подать весть своим войскам во время осады Киева печенегами в 968 г., сведение об изготовлении печенежским князем Курей чаши из черепа Святослава, и две былины – о подвиге кожемяки и о белгородском киселе.

Первый случай появления печенегов в фольклоре относится к описанию осады ими Киева в 968 г. Согласно «Повести временных лет» «В лѣто 6476. Придоша печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславцы, и затворися Волга въ градѣ со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ». Когда в городе начался голод, один из киевлян, умевший говорить по печенежски, выдавая себя за печенега и делая вид, что разыскивает своего коня, добрался до Днепра и передал призыв о помощи воеводе Претичу. Воевода, выдав себя за командующего передовым отрядом в войске Святослава, якобы добился снятия осады с Киева.²⁴ О том, что перед нами не воспроизведение какого-либо письменного источника, а пересказ устного предания, свидетельствуют 1) вставной характер сказания (рассказ о снятии осады заканчивается описанием продолжающейся осады²⁵); 2) условность обмана печенегов киевлянином (незаметно выйти из окруженного города и выдать себя за одного из осаждающих почти не возможно); 3) отсутствие значимых последствий в результате внешне запоминающегося обмена дарами между печенежским князем и Претичем; 4) использование обмана как испытание мудрости и хитрости противников. Однако перед нами не одно сказание, а два механически соединенных предания – о киевлянине, подавшем весть из осажденного города и об обмене дарами между полководцами враждующих сторон. Об этом свидетельствует слабая сюжетная связь между действиями обоих героев, и смена по ходу действия одного из них другим как главного лица в разворачивающемся событии. Очевидно второе сказание воспроизведено в «Повести временных лет» не полностью, поскольку его смысл должен был раскрыться в истолковании даров (ср. обмен дарами между скифами и персами у Геродота²⁶), хотя перед нами возможна и просто зарисовка, отражающая культуры противостоящих народов.

Под 971-972 гг. в «Повести временных лет» рассказывается, что печенеги устроили у Днепровских порогов засаду на возвращавшегося из Болгарии Святослава, и печенежский князь Курия, убив русского князя, «во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его».²⁷ Здесь в достаточно лаконичный рассказ введена лишь одна яркая поэтическая деталь – чаша из черепа побежденного врага. Однако в других источниках не отразился этот запоминающийся печенежский обычай. В то же время, подобный обычай сохранился в рассказе Геродота о скифах, а археологическое подтверждение его существования было найдено на Бельском городище.²⁸ Знания же об этом обычае древнерусский летописец почерпнул не из текста «Истории» Геродота, а, скорее всего, из пересказа ее отдельных фрагментов и перенес реалии, поразившие его воображение, на печенегов.

Следующее сказание уже передано в «Повести временных лет» более целостно: «В лѣто 6500. Пришедшу бо ему (Владимиру) с войны хорватская, и ее печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сулы. Володимеръ же поиде противу имъ, и срете я на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль». Печенежский князь предложил Владимиру: «Выпусти ты свой мужъ, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужъ ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашъ мужъ ударить, да воюемъ за три

лѣта». Не имея достойного поединщика «поча тужити Володимерь», но «приде единъ старъ мужъ ко князю», и предложил в качестве противника печенежскому богатырю своего сына, который остался дома, но был так силен, что мог «преторже черевѣ рукамѣ». По предложению юного силача его подвергают испытанию – он вырывает кусок из тела разъяренного быка. Перед поединком печенег, «бѣ бо превеликѣ зѣло и страшень», посмеялся над русским – «бѣ бо середний тѣломъ», но в поединке он был задушен руками. После чего печенеги обратились в бегство, а на месте поединка основан город Переяславль.²⁹

Все в этом рассказе «Повести временных лет» свидетельствует о фольклорном происхождении сказания. Призванное объяснить название города («зане перея славу»), упомянутого однако за 85 лет до описываемых событий,³⁰ оно выступает как топонимическая легенда. Но в нем отчетливо видны черты самостоятельного эпического сказания: появление вражеского предводителя со большим войском и вызов на поединок; отсутствие с нашей стороны достойного соперника и внешнее его появление, удивительное испытание силы героя, победа над врагом, достигнутая голыми руками, разгром и бегство вражеского войска в результате гибели печенежского великана. Причем, как и в былине, герой выходит из иной, не дружинной, социальной среды (кожемяка), он меньше своего соперника и, в отличие от своих братьев, первоначально не принимает участия в походе (что сближает это сказание с историей Давида и Голиафа), а его победа над противником («И ястася, и почаша крѣпко держати, и удави печенѣзина в руку до смерти. И удари имь о землю») напоминает победу Геракла над Антеем.³¹ То, что сказание бытовало как самостоятельное устное произведение можно видеть из эволюции имени героя в летописях, относящихся к различным эпохам. Так в Радзивиловской и Московско-Академической летописях, отразивших Владимирский свод 1206 г.,³² фраза о наименовании города «зане перея славу отроку тѣ» преобрела вид «зане Переяславъ отроку тому имя»,³³ а Никоновская летопись и Степенная книга XVI в. уже называют героя «Ян Усмошвец»,³⁴ отражая в прозвище его ремесло кожевника. Никоновская летопись под 1001, 1004 гг. приводит дополнительные, явно фольклорные, известия о Яне Усмошвече, помогавшем Алеше Поповичу в борьбе с печенегами.³⁵ Сказания об этом богатыре сохранялись в русском фольклоре и в XIX в.³⁶

Устное происхождение имеет и сказание о белгородском киселе, помещенная в летописи под 997 г. «Увѣдѣша печенѣзи, яко князя нѣту, и придоша и сташа около Бѣлгорода. И не дадоху вылѣсти из города, и бысть гладь великѣ в городѣ, и не бѣ лѣзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, печенѣгъ же множество много». Горожане на вече решили сдаться печенегам, но один старец, не присутствовавший на вече, воспротивился этому. По его совету старейшины градские собрали «по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубѣ», «и повелѣ женамѣ створити цѣжѣ, в немъ же варять кисель, и повелѣ ископати колодезь, и вставити тамо кадѣ, и нальяти цѣжа кадѣ. И повелѣ другѣй колодезь ископати, и вставити тамо кадѣ, и повелѣ искати меду». Утром же в город были приглашены печенеги, которым показали и дали отведать «кормлю от землѣ». Взявши цежу для варки киселя и медовую сыту печенежские послы отправились к своим князьям, которые, поверив в невозможность уморить голодом белгородцев, сняли осаду.³⁷

Фольклорное происхождение этого сказания также вполне очевидно. В нем развита тема мудрого совета старца, спасающего людей в момент голода. В отличие от развития этого сюжета в сказке, голод в былине о белгородском киселе вызван не природными причинами, а вражеской осадой. Поэтому выход из данного затруднения заключается не в использовании неучтенных остатков зерна, а в обмане противника. Однако переключка между сказкой и былинной хорошо прослеживается в том, что кисель, с помощью которого обманули печенегов, был сварен из последнего «по горсти» собранного зерна. Главной темой былинной о белгородском киселе стала тема испытание хитрости и ума противоборствующих сторон. Фольклорность этого подтверждает некоторая условность обмана, легкость с которой печенеги верят в реальность того, что цежу и сыту белгородцы черпают из колодца.

Когда же возникли сказания о борьбе русских людей с печенегами. Эти фольклорные памятники, в зависимости от времени записи, можно разделить на две группы, причем тексты, входящие в различные группы, отличаются не только временем своего бытования, но и временем, в котором развивается действие, а также характером, что, возможно, является еще одним доводом в пользу их разновременности.

Сказание о подвиге киевлянина и сведение об изготовлении печенежским князем Курей чаши из черепа Святослава были включены в состав Начального свода 1093 г., нашедшего свое отражение как в «Повести временных лет», так и в «Новгородской первой летописи». Запись фольклорных па-

мятников отражает их состояние на момент фиксации, и, следовательно, в конце XI в. существовали только эти предания, обращающие внимание не столько на само событие, сколько на отдельные бытовые подробности, развернутых же повествований (былин о кожемяке и о киселе) еще не было. События в этих преданиях привязаны к более далекому от рассказчика периоду – к правлению князя Святослава Игоревича. При этом самом сюжете нет никаких преувеличений (силы героя или наивности его противников).

Характерно, что древнерусское сказание о чаше, изготовленной печенежским князем Курей из черепа Святослава, получило свое развитие в XV в. В созданной в 1472 г. Ермолинской летописи уже есть такая подробность: князь Куря не просто «во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его»,³⁸ но оставил на ней надпись «чюжихъ ища, своя погуби».³⁹ Схожим оказывается текст надписи, воспроизводимый и в своде 1497 г., и в Уваровской и Софийской летописями: «чюжихъ желая, своя погуби»,⁴⁰ «чюжихъ паче силы желая, и своя си погуби за премногую его несытость».⁴¹ Это дополнение отражает именно устное предание, поскольку текст надписи разные летописи передают по-разному. К тому же в надписи явно слышится перефразировка упреков киевлян, адресованных Святославу в 968 г.: «Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охабивъ».⁴²

Д.С. Лихачев считал, что эта вставка в рассказ о чаше была сделана еще в XI-XII вв. Основанием для такого заключения ему послужила фраза, продолжающая сообщение о надписи на чаше, в сборнике Российской национальной библиотеки (F. IV. 214, летопись, сходная с Тверской): «И есть чаша сия и донныне хранима въ казнахъ князей печенѣжскихъ, пиаху же из нея князи со княгиню въ чертозѣ егда поймаются, глаголюще сице: каковъ был сий человек, его же лобъ есть, таковъ буди и родившея от насъ. Тако же и прочиихъ вои его лъбы изоковаша сребромъ и держажу у себе, пиюще з нихъ». Это, по мнению исследователя, может служить как подтверждением реальности существования чаши, так и указанием на появление сведений о ней до XII в., поскольку последние упоминания печенегов в русской летописи относятся к 1169 г.⁴³

Однако внимательное рассмотрение этого отрывка из сборника F.IV.214 позволяет усомниться в справедливости вывода Д.С. Лихачева. Его автор явно не представляет, что печенеги были кочевым народом и не имели чертогов. Едва ли современник мог не знать такую подробность. К тому же слово «казна» представляется достаточно поздним. В летописях рубежа XV-XVI вв. оно впервые употреблено при описании событий 1281 г.⁴⁴ Летописный свод конца XV в. впервые упоминает это слово под 1298 г., а производное от него «казначи» – под 1154 г.⁴⁵ Но слова «казна» нет в Лаврентьевской летописи 1377 г. Упоминание о изготовлении многих чаш из черепов воинов, погибших вместе с князем Святославом, еще более сближает этот отрывок с рассказом Геродота о скифских обычаях: «С головами же врагов (но не всех, а самых лютых) они поступают так. Сначала отпиливают черепа до бровей и вычищают. Бедняк обтягивает череп только снаружи сыромятной воловьей кожей... Богатые же люди сперва обтягивают череп снаружи сыромятной кожей, а затем еще покрывают внутри позолотой и употребляют вместо чаши. Так скифы поступают даже с черепами своих родственников... При посещении уважаемых гостей хозяин выставляет такие черепа и напоминает гостям, что эти родственники были его врагами и что он их одолел».⁴⁶ В рассказе Геродота чаши изготавливаются из черепов далеко не каждого убитого врага, а только самых лютых или находившихся в родстве с победителем, и, следовательно, им т.о. оказывается своеобразная честь, что не совместимо с надписью, якобы сделанной на чаше князя Кури, в которой содержится явный укор Святославу. Поэтому можно предполагать, что и дополнения к рассказу о гибели Святослава в сборнике F.IV.214 появились позднее. К тому же, как уже сказано, упоминания о надписи на чаше появляются в летописях лишь с XV в. Развитие предания о чаше князя Кури в русских летописях XV-XVI вв. лишний раз подтверждает его фольклорное начало.

К устным преданиям, вошедшим в «Повесть временных лет» уже в начале XII в., относятся сказание о поединке киевского кожемяки с печенежским богатырем и сказание о белгородском киселе. Эти былины в конце XI в. еще не существовали, поскольку они не попали в Начальный свод 1093-1095 гг. Характерно, что оба эти предания приурочены ко времени княжения святого Владимира.

Какими же предстают печенеги в древних памятниках русского фольклора? Как и последующих русских былинах они оказываются наивны, легко попадаются на уловки. Однако в рассказах «Повести временных лет», имеющих фольклорное происхождение, нет ярко выраженного неприятия печенегов. Даже такая жутковатая подробность, как изготовление чаши из черепа побежденного князя Святослава, не несет в себе негативного отношения к ним, а выступает просто как яркая запоминающаяся деталь. Не случайно развитие этого предания пошло не по пути обличения жестокости печенегов, а по пути наглядного выражения упрека князю-завоевателю. Многочисленность печене-

гов не привлекла внимание создателей преданий, поскольку ни в рассказе об осаде Киева в 968 г., ни в рассказе о чаше князя Кури нет упоминаний о численности печенегов. В то же время в пересказе былин о поединке юного кожемяки с печенегом подчеркивается, что русский богатырь «бѣ бо середний тѣлом», а его противник «бѣ бо превеликъ зѣло и страшень».⁴⁷ В пересказе же сказания о белгородском киселе отмечается, что «не бѣ лѣз Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, печенѣгъ же множество много».⁴⁸ Таким образом, можно предположить, что устойчивое в русском фольклоре представление о многочисленности врагов стало появляться лишь с XII в. Хвастовство противника, пришедшего с войной на Русскую землю, также не было характерно для ранних памятников устного народного творчества, поскольку в предании о подвиге киевлянина печенежский князь с должными опаской и уважением относится к воеводе Претичу, а в былине о кожемяке эта тема лишь намечена, упоминанием того, что печенег посмеялся над соперником.

Показательно, что в «Повести временных лет» практически нет отголосков фольклорных сказаний о половцах, кочевавших во времена составления этой летописи в южнорусских степях. И хотя печенеги еще жили вблизи русских границ, их набеги воспринимались уже как прошлое и могли быть подвергнуты эпическому осмыслению. Именно это обстоятельство позволяло авторам сказаний допускать неточности, обозначив как первое появление печенегов у Киева в 968 г. и перенеся на 85 лет год основания Переяславля. Показательно, что авторы Начального свода использовали предания, относившие описываемые события к 968-972 гг., а автор «Повести временных лет» дополнил Начальный свод былинами, относившими время действия к 992-997 гг. И в том и в другом случае авторы оказались удалены от времени описываемых событий на 120-125 лет, т.е. на четыре поколения. Пока трудно сказать, случайна ли такая устойчивая хронологическая дистанция, но нельзя не обратить внимание на эту особенность в ранних памятниках русского фольклора.

Достаточно точно определяется и тот социальный слой, в котором бытовали фольклорные произведения, попавшие на страницы русской летописи. Безусловно, эти сказания исполнялись в дружинной среде. Но это не значит, что они не могли проникать и в простонародную среду. Не случайно одним из первых героев русской былины стал кожемяка, что еще раз подтверждает высокий статус ремесленника в Древней Руси.

Примечания

¹ Мельникова Е.А. Историческая память в устной традиции // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее фолпощения. XII Чтения памяти члена-корреспондента В.Т. Пашуто, Москва, 18-20 апреля 2000 г. Материалы конференции. М., 2000. С. 3-10; ср. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.

² Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М., 2001. С. 305.

³ Былины в записях и пересказах XVII-XVIII вв. М.; Л., 1960.

⁴ Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869. С. 799-800; Калугин В. Струны рокотаху... Очерки о русском фольклоре. М., 1989. С. 113-114.

⁵ Калугин В. Струны рокотаху... Очерки о русском фольклоре. М., 1989. С. 113-114. С. 89-92.

⁶ Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 318-357.

⁷ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 10. (далее ПВЛ).

⁸ ПВЛ. С. 98.

⁹ ПВЛ. С. 21.

¹⁰ ПВЛ. С. 22.

¹¹ ПВЛ. С. 23.

¹² ПВЛ. С. 31-32, 35.

¹³ ПВЛ. С. 35.

¹⁴ ПВЛ. С. 37.

¹⁵ ПВЛ. С. 63.

¹⁶ ПВЛ. С. 54-55.

¹⁷ ПВЛ. С. 55.

¹⁸ ПВЛ. С. 56-57.

¹⁹ ПВЛ. С. 58.

²⁰ ПВЛ. С. 66.

²¹ ПВЛ. С. 113.

²² Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 318-357.

- ²³ ПСРЛ. Т. 2. стб. 286, 311, 427-428, 517, 533.
- ²⁴ ПВЛ. С. 31-32.
- ²⁵ Лихачев Д.С. Комментарии // ПВЛ. С. 445.
- ²⁶ Геродот. История. М., 1999. С. 277-278. Кн. 4, 131-132.
- ²⁷ ПВЛ. С. 35
- ²⁸ Геродот. История. М., 1999. С. 255-256. Кн. 4, 65.
- ²⁹ ПВЛ. С. 54-55.
- ³⁰ ПВЛ. С. 17.
- ³¹ Аполлодор
- ³² Прохоров Г.М. Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания // ТОДРЛ. Т. XLII. С. 53-76.
- ³³ ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 56.
- ³⁴ ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С.
- ³⁵ Лихачев Д.С. Летописные известия об Александре Поповиче // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 318-357.
- ³⁶ Худяков И. Народные исторические сказки // ЖМНП. 1864. Кн. 3. С. 57-58; Костомаров Н.И. Исторические монографии. 2-е изд. СПб., 1872. Т. 1. С. 138-139.
- ³⁷ ПВЛ. С. 56-57.
- ³⁸ ПВЛ. С. 35.
- ³⁹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С.
- ⁴⁰ ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 16, 171
- ⁴¹ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С.
- ⁴² ПВЛ. С. 32.
- ⁴³ Лихачев Д.С. Комментарии // ПВЛ. С. 447.
- ⁴⁴ ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 62, 221; Вологодско-Пермская летопись XVI в. относит это событие к 1282 г. (ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 94).
- ⁴⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 158, 59.
- ⁴⁶ Геродот. История. М., 1999. С. 255-256. Кн. 4, 65.
- ⁴⁷ ПВЛ. С. 54-55.
- ⁴⁸ ПВЛ. С. 56-57.